

ШАРНИРНЫЕ ПЕТЛИ ПЕКТОРАЛИ ИЗ ТОЛСТОЙ МОГИЛЫ

Пектораль из Толстой Могилы является сложносоставным украшением, состоящим из более 160¹ деталей [Рудольф, 1993, с. 85; Jacobson, 1995, р. 117; Черняков, Підвисоцька, 1999, с. 77], соединенных между собой различными способами (рис. 1, 1). Среди технических приемов, задействованных мастером для решения этих задач, несомненным новшеством для изделий греко-скифской торевтики является крепление застежек украшения на подвижных шарнирных петлях.

Каждое из соединений представляет собой трехпетельчатый шарнир, две внешние цилиндрические трубочки-петли которого припаяны к торцевой пластинке обоймы, скрепляющей концы жгутов каркаса пекторали. Внутренняя трубка шарнира припаяна к торцу нижней обоймы застежки. Петли соединены круглым в сечении стержнем с расклепанными концами и обеспечивают свободное вращение застежек на 180°. Ширина внешних петель 0,65 см, внутренних – 0,8 см, диаметр – около 0,5 см (рис. 2, 1, 2, 5, 6) [Мозолевський, 1979, с. 75, 76].

Крепление застежек к основному корпусу украшения на шарнирах обеспечивало возможность удобного облачения в пектораль, а также ее ношения. При опущенных вниз или поднятых вверх застежках образовывался проем шириной около 12,5-12,7 см, достаточный для надевания пекторали на шею. При возвращении застежек в первичное положение, в одну плоскость с основным полем украшения, ширина проема между крайними точками львиных голов уменьшалась до 5,5 см, что препятствовало соскальзыванию пекторали даже без дополнительной ее фиксации с помощью ремешка, продетого во внешние кольца застежек.

Несмотря на кажущуюся незамысловатость, мастеру удалось очень гармонично вписать шарнирные петли в общую композицию пекторали. Общая длина трех петель, равная ширине внешнего края обоймы, скрепляющей жгуты пекторали, удачно подобранное сочетание диаметра и

¹Более скрупулезный подсчет дает еще большее число – только на среднем фризе насчитано около 500 деталей [Підвисоцька, Черняков, 2002, с. 21].

ширины каждой петли, небольшая уступчатость, образованная более узкой нижней обоймой застежки, как бы продолжающей общий абрис сужающихся концов пекторали, все это делает шарнирное соединение легким и незаметным, не дисгармонирующим с вычурностью композиции украшения.

Искусность, проявленную торецтом при изготовлении как будто простой детали, оттеняет аналогичное по конструкции соединение на пекторали из Большой Близницы. Сходство двух пекторалей – из Толстой Могилы и Большой Близницы было неоднократно отмечено рядом исследователей, многие из которых указали на разный уровень мастерства торецтов, изготовивших эти украшения (рис. 1, 1, 2). По общему мнению, таманскую пектораль отличает «большая грубость», меньшая «сложность исполнения и художественная ценность», «утонченность», «изящество», «совершенство техники» [Мозолевский, 1972, с. 293; Мачинский, 1978, с. 145; Манцевич, 1980, с. 109; Савостина, 1999, с. 201; Русяева, 2008, с. 523; Schwarzmaier, 1996, S. 127-129; Jacobson, 1995, p.119; Fornasier, 1997, S. 123-126; Williams, 1998, p. 102]. Подобная оценка справедлива по отношению буквально к каждой детали пекторали – литым фигуркам животных, цветам, бордюрам, украшенным полуовами, сканным узорам на обоймах, львиным головкам наконечников, рубчатой проволоке, имитирующей зернь и заполняющей желобки жгутов. Изготовление любого из перечисленных элементов требовало определенного мастерства, навыков, наконец, таланта, что и предопределяло высокий или более низкий художественный уровень готового изделия. Но простота конструкции трехчастных шарнирных петель позволяла посредством несложных технических операций достичь приемлемого результата даже начинающему ювелиру. Тем более показательна почти нарочитая небрежность, с которой выполнены эти детали в пекторали из Большой Близницы, даже принимая во внимание прижизненные повреждения украшения. Общая длина петель лучше сохранившегося шарнира левой стороны (для носителя) меньше ширины внешнего края обоймы. Цилиндры петель разного размера и конфигурации и плохо подогнаны друг к другу. Вследствие этого в месте шарнирного соединения образуются хорошо видимые зазоры, которые визуальнo усиливаются из-за того, что ширина нижней обоймы застежки превышает ширину обоймы основного корпуса, нарушая общий абрис украшения (рис. 2, 3, 4). Столь заметное отличие

в исполнении даже самого простого элемента наглядно демонстрирует глубину разницы между мастерством двух ювелиров.

Исследователями практически не затрагивался вопрос о вероятном происхождении идеи использования шарнирной петли в конструкции пекторали для соединения ее отдельных частей. Пожалуй, только Э. Якобсон специально коснулась этой проблемы, приведя известные ей факты употребления шарнирного соединения в конструкции украшений. В качестве примера исследовательница указала как весьма отдаленные территориально и хронологически находки (древнеегипетские браслеты и пекторали из гробниц широкого временного диапазона – от Тутанхамона /1336-1327 гг. до н.э./ до Шешонка II /890 г. до н.э./), так и более близкие, но, в силу неясного происхождения, не имеющие достоверной датировки (гривны из сибирской коллекции Петра I). В итоге Э. Якобсон пришла к отрицанию зависимости шарниров пекторалей из Толстой Могилы и Большой Близницы от древнеегипетских и сибирских украшений, и отметила, что решение проблемы генезиса шарнирного крепления способно дать ключ к пониманию происхождения самой пекторали из Толстой Могилы [Jacobson, 1995, p. 103, 104].

Следует сразу заметить, что формулировка проблемы, ставящая в один ряд обе пекторали, представляется не совсем корректной. Если быть точным, то искать следует источник происхождения шарнирных петель именно пекторали из Толстой Могилы, от которой пектораль из Большой Близницы является производным изделием, включая и использование такой конструктивной детали как шарнирное соединение. Если поиск вероятного источника заимствования идеи подобного крепления не ограничивать кругом ювелирных украшений ², то его можно обнаружить среди предметов, получивших распространение в одно время и на одной территории с пекторальями.

В целом, шарнирное соединение широко использовалось в греческом мире в классическое и эллинистическое время – как в бытовой сфере, так и в оружейном деле, прежде всего, в конструкции различных элементов доспеха [Литвинский, 2001, с. 349, 350; Алексинский, 2013, с. 48-50, 72, 83, 57-59]. Из памятников скифского мира и контактных

² Одним из свидетельств широты творческой эрудиции мастера является подражание при построении скульптурных композиций верхнего и нижнего фризов фронтонам Парфенона [Мозолевский, 1979, с. 216, 217].

с ним территорий происходит представительная группа шлемов с нащечниками, прикрепленными посредством шарнирного соединения. Подобное устройство было у аттических и халкидских ³ шлемов, внешне очень похожих, но отличающихся именно формой нащечника. Первые имели округлую форму и характерный когтевидный выступ, у вторых передний край был ровным или слегка вогнутым [Симоненко, 2014, с. 267]. Находки подобных шлемов известны достаточно хорошо, особенно на Кубани и Северном Кавказе. Еще в первом своде Е.В. Черненко, рассматривавшего их в пределах общей группой «аттических шлемов», было учтено 17 шлемов [Черненко, 1968, с. 83-86], в монографии 2006 года – уже 26 [Сernenko, 2006, S. 86-89, Taf. 27-28, 561-586]. К настоящему времени их количество еще увеличилось [Эрлих, Джоуа, 2008, с.51, рис. 3, 1, 2; Зайцев, Мордвинцева, Шевченко, 2011, с. 122, рис. 6, 2; Дедюлькин, 2014, с. 176-178, рис. 7]. Причем нащечники на шарнирах обнаружены и на шлемах иных типов (коринфский шлем с нащечниками V в. до н.э. из Вульчи [Алексинский, 2013, с. 48, 49]) ⁴, включая изделия местного производства [Фризен (Куринских), Шемаханская, Яблонский, 2013, с. 164-171, рис. 8-11]. Многие из указанных находок найдены вне комплексов, имеют повреждения или прижизненные переделки, нередко отсутствуют сами нащечники. Прекрасно сохранившиеся образцы этой категории доспеха происходят из комплексов IV в. до н.э. – кургана № 4 в урочище Галушино близ с. Пастырское, где был обнаружен аттический шлем (рис. 3, 1) [Ханенко, 1899, табл. IX; Петренко, 1967, табл. 37, 1, 1a] и кургана Кекуватского близ Керчи, в котором паноплия погребенного воина включала халкидский шлем (рис. 3, 2) [Древности Боспора Киммерийского, 1854, табл. XXVIII, 4; Алексинский, 2007, с. 109; 2013, с. 57, 58; Виноградов, 2012, рис. 2, 2]. Примечательно, что оба эти шлема демонстрируют и два раз-

³ Тип V по Г. Пфлугу [Pflug, 1988, S. 138, Abb. 2].

⁴ Интересно, что в Большой Близнице в «погребении воина» был обнаружен фригийский шлем с «элементами халкидского оформления», у которого по бокам крепились подвижные нащечники. Однако во время Второй мировой войны шлем был утерян, а имеющиеся рисунки не дают возможности уверенно определить характер их крепления [Толстой, Кондаков, 1889, рис. 55; Чандра-секарн, 2011, с. 288-293, рис. 1, 1, 2].

ных варианта конструкции шарнирного соединения [Литвинский, 2001, с. 349-350; Фризен (Куринских), Шемаханская, Яблонский, 2013, с. 169]. В шлеме из Пастырского пластины, из которых свернуты петли шарнира, являются продолжением непосредственно купола шлема и нащечника. Пластины загнуты внутрь и, образуя трубчатую петлю, прикреплены с помощью заклепок. На шлеме из кургана Кекуватского петли шарнира свернуты из отдельных пластин, которые приклепаны к внутреннему краю купола шлема и нащечника. В обоих случаях в вырезы между петлями шлема входят петли нащечника. В петли продет стержень, обеспечивающий подвижность соединения.

Курган № 4 у с. Пастырское по чернолаковой посуде датируется второй четвертью IV н.э. [Онайко, 1970, с. 113; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 155]. Курган Кекуватского – серединой IV в. до н.э. [Виноградов, 2012, с. 47] или временем не позже второй четверти IV в. до н.э. [Полин, 2014, с. 421]. Таким образом, шлемы с нащечниками на шарнирах были знакомы населению Северного Причерноморья и Крыма как минимум с первой половины IV в. до н.э., хотя их появление относится к еще более раннему времени ⁵. Следовательно, шлемы указанных типов использовались местным населением уже во время изготовления пекторали ⁶, поэтому мастеру вполне мог быть известен способ шарнирного крепления благодаря знакомству с этим видом доспеха ⁷.

Показательно, что творческое использование мастером при создании пекторали идей, почерпнутых им из конструкции предметов защитного

⁵ Известны находки шлемов V в. до н.э. с шарнирным креплением нащечников [Литвинский, 2001, с. 350; Алексинский, 2013, с. 49], а также изображения воинов в шлеме с поднятыми нащечниками на краснофигурных аттических сосудах первой половины V в. до н.э. [Pflug, 1988. S. 144, Abb. 10; Эрлих, Джоуа, 2008, с. 50, 51; Алексинский, 2013, с. 50, 54].

⁶ Среди предложенных для Толстой Могилы дат – середина - начало третьей четверти IV в. до н.э. [Мозолевский, 1979, с. 229; Мозолевский, Полин, 2005, с. 362-364], 350-320 гг. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 263, 264], вторая четверть IV в. до н.э., не позднее 350 г. до н.э. [Бидзиля, Полин, 2012, с. 521-523; Полин, 2014, с. 273-279].

⁷ Хотя, учитывая уже упомянутую широту эрудиции торефта, едва ли стоит ограничивать доступный мастеру для ознакомления с различными образцами вооружения регион территорией Северного Причерноморья и Крыма.

вооружения, не ограничивается заимствованием системы шарнирного крепления. Несмотря на очевидное функциональное различие пекторали из Толстой Могилы и фракийско-македонских нагрудников ⁸, являющихся элементом именно воинского доспеха, многие исследователи полагают наличие генетической связи между ними [Манцевич, 1974, 1980; Мелюкова, 1979, с. 204, 205; Boardman, 1994, p. 210; Fornasier, 1997, S. 137-146; Гаврилюк, 2016, с. 285], считая последние вероятным источником вдохновения для мастера пекторали [Treister, 2005, p. 63]. Близость пекторалей наиболее ярко проявляется в сходстве луновидных абрисов, структуре композиции в виде концентрических изобразительных фризов, использовании в орнаментации мотивов вьющихся растительных побегов со спиральными завитками, а также практически в идентичных размерах ⁹.

Неоднократно пектораль из Толстой Могилы сопоставлялась в различном контексте со щитом Ахилла (П., XVIII, 468-609) [Яценко, 1977, с. 96-97; Лелеков, Раевский, 1988, с. 222, 223; Михайлин, 2005, с. 34]. Сближает оба шедевра торевтики – материальный и литературный – воссоздание в их композиции космологической картины мира посредством миниатюрных барельефных сцен. Это позволяет предполагать определенное влияние образа мифологического доспеха на замысел мастера пекторали и рассматривать украшение из Толстой Могилы как своеобразную реминисценцию щита Ахилла ¹⁰.

Наконец, определенная связь пекторали с защитным вооружением прослеживается и непосредственно в образах ее сюжетов. Центром композиции верхнего фриза является рубаха из бараньей шкуры. Среди различных мнений о ее символике преобладает точка зрения о связи рубахи с культом фарна, материальным воплощением которого она явля-

⁸ Обнаружены в следующих комплексах: Вергина [Andronicos, 1984, p. 189, fig. 151], Мезек [Венедиков, Герасимов, 1973, ил. 230], Вырбица [Archibald, 1985, p. 167, fig. 2; Факларησ, 1991, Πιν. 9], Катерина [Archibald, 1985, p. 160, fig. 4], Пидна [Факларησ, 1991, Πιν. 3, 7], Янково [Archibald, 1985, p. 168, fig. 3; Факларησ, 1991, Πιν. 11].

⁹ Сравн. диаметр пекторали из Толстой Могилы (30,6 см) с нагрудниками из Вергины (30 см), Мезека (29 см) и Пидны (30,5 см) [Archibald, 1985, p. 165, 166; Факларησ, 1991, Σ. 2].

¹⁰ Подробнее смотр. Бабенко Л.И. Пектораль из Толстой Могилы как реминисценция щита Ахилла: в поисках истоков замысла // Пектораль из Толстой Могилы: история, эстетика, символика (в печати).

лась [Мошинский, 2002, с. 85; Михайлин, 2005, с. 118-176; Полидович, 2006; Шауб, 2007; Бабенко, 2013, с. 118, 119; Вертієнко, 2015, с. 40, 95; Гаврилюк, Тимченко, 2015, с. 112-114]. Но наличествуют и иные трактовки ее смысла, в том числе как различных элементов доспеха панциря или панцирной рубахи [Даниленко, 1975, с. 74, 75; Манцевич, 1976, с. 14; Шрамко, 1983, с. 123], с «чешуйчатым поясом», в качестве которого трактован нижний рубчатый край рубахи [Манцевич, 1980, с. 105, 106].

Таким образом, многие идеи, используемые мастером при создании пекторали из Толстой Могилы – в ее конструкции, построении общей композиции, выборе некоторых образов и сюжетов – и, чаще всего, являвшихся инновационными для изделий греко-скифской торевтики, были заимствованы им из различных образцов защитного вооружения. Это, с одной стороны, свидетельствует о хорошей осведомленности и несомненном интересе торевта к этой категории оружия, с другой – определяет характерную особенность профессионального почерка художника, склонного к экспериментам в своем творчестве.

ПРИМЕЧАНИЯ

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII – IV веков до н.э. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – 416 с.

Алексинский Д.П. Между Элладой и варварами // Александр Великий. Путь на Восток. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2007. – С. 103-131.

Алексинский Д.П. Античное вооружение в собрании Государственного Эрмитажа. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. – 120 с.

Бабенко Л.І. До семантики центральної сцени пекторалі з Товстої Могили // Древности 2013. – Харьков: Харьковское историко-археологическое общество; ООО "НТМТ", 2013. – С. 111-122.

Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. – К.: Издательский дом "Скиф", 2012. – 752 с.

Вертієнко Г.В. Іконографія скіфської есхатології. – К.: Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України, Видавець Олег Філюк, 2015. – 224 с.

Венедиков И., Герасимов Т. Тракийского искусство. – София, 1973. – 408 с.

Виноградов Ю.А. Курган Мирзы Кекуватского // Древности Боспора. – 2012. – Т. 16. – С. 39-50.

Гаврилюк Н.А. Пектораль из Толстой Могилы как источник для изучения экономики Степной Скифии. Историография вопроса // Археологія і давня історія України. – 2016. – Вип. 2 (19): Старожитності раннього залізного віку. – С. 284-291.

Гаврилюк Н.А., Тимченко Н.П. Пектораль из Толстой Могилы как объект и средство невербальной коммуникации // Труды Государственного Эрмитажа. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. – [Т.] 77: Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. – С. 97-126.

Даниленко В.Н. Исторические сюжеты некоторых шедевров эллино-скифской торевтики // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. – К.: Наукова думка, 1975. – С. 88-89.

Дедюлькин А.В. Защитное снаряжение местного производства населения Северо-Западного Кавказа в эллинистическую эпоху // Stratum plus. – 2014. – № 3: «Война и мир» на берегах Понта Эвксинского. – С. 169-184.

Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа. – СПб., 1854. – Т. III. Атлас. – LXXXVI табл.+5 с. чертеж. и план.+2 л. карт.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., Шевченко Н.Ф. Княжеское погребение эллинистического времени в могильнике Мезмай (Северо-Западный Кавказ) // ВДИ. – 2011. – № 1 (276). – С. 115-152.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. – К.: Наукова думка, 1989. – 336 с.

Лелеков Л.А., Раевский Д.С. Инокультурный миф в греческой изобразительной традиции // Жизнь мифа в античности. Материалы научной конференции «Випперевские чтения-1985». – М.: Советский художник, 1988. – Вып. XVIII. – Ч. I. – С. 215-226.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). – М.: Восточная литература, 2001. – Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. – 528 с.

Манцевич А.П. Чертомлыкская ваза и пектораль из Толстой Могилы // Pulpudeva. – Sofia, 1974. – Vol. I. – С. 83-98.

Манцевич А.П. Изображения «скифов» в ювелирном искусстве античной эпохи // Archaeologia. – 1976. – Vol. 26. – С. 1-45.

Манцевич А.П. Золотой нагрудник из Толстой Могилы // Thracia Serdicae. – 1980. – Vol. V. – С. 97-120.

Мачинский Д.А. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. – Л.: Аврора, 1978. – С. 131-150.

Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. – М.: Наука, 1979. – 256 с.

Михайлин В. Тропа звериных слов: Пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 528 с.

Мозолевский Б.Н. Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине // СА. – 1972. – № 3. – С. 268-308.

Мозолевский Б.М. Товста Могила. – К.: Наукова думка, 1979. – 251 с.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). – К.: Издательский дом "Стилос", 2005. – 600 с. + 24 табл. цв.илл.

Мошинский А.П. Золотое руно как символ царской власти // Донская археология. – 2002. – № 1-2. – С. 84-88 + фото на с. 2-3 цветной вклейки.

Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV-II вв. до н.э. // САИ. – 1970. – Вып. Д1-27. – 212 с.

Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв до н.э. // САИ. – 1967. – Вып. Д1-4. – 179 с.

Підвисоцька О.П., Черняков І.Т. Технологічні спостереження над середнім ґрусом пекторалі із Товстої Могили // Музейні читання. Матеріали наукової конференції. Грудень 2001 р. – К.: Музей історичних коштовностей України, 2002. – С. 17-26.

Полидович Ю.Б. Пектораль – символ жизни и смерти // Журнал о металле. – Донецк, 2006. – № 3-4 (9). – С. 82-85.

Полин С.В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V-IV вв. до н.э. на Херсонщине – К.: Издатель Олег Филук, 2014. – 776 с.

Рудольф В. Большая пектораль из Толстой Могилы: работа "чертомлыцкого мастера" и его школы // Археологические вести. – СПб., 1993. – Вып. 2. – С. 85-90.

Русяєва М. Образотворче і вжиткове мистецтво // Історія українського мистецтва: у 5 т. – Том 1: Мистецтво первісної доби та стародавнього світу. – К.: ІМФЕ ім. М.Т. Рильського НАН України, 2008. – С. 520-524.

Савостина Е.А. Греческая торевтика на скифские темы: заметки о стиле скульптурного декора // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. – СПб., 1999. – С. 199-204.

Симоненко А.В. Шлемы сарматского времени из Восточной Европы // Stratum plus. – 2014. – № 4. – С. 249-284.

Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. – СПб, 1889. – Вып. 1: Классические древности южной России. 118 с.

Фризен (Куринских) О.И., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. Шлем из могильника Филипповка-1 // ВДИ. – 2013. – № 4. – С. 156–173.

Ханенко Б.Н. и В.И. Древности Приднепровья и побережья Черного моря. – К., 1899. – Вып. II. – 44 с.+XXXVII табл.

Чандрасекаран С. Утерянный фригийский шлем из кургана Большая Близица // Боспорский феномен: Населения, языки, контакты. – СПб.: Нестор-история, 2011. – С. 288-293.

Черняков І., Підвисоцька О. Технологічні та художні особливості пекторалі з Товстої Могили // Музей на рубежі епох: минуле, сьогодні, перспективи (матеріали науково-практичної конференції). – К., 1999. – С. 77-78.

Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII – IV вв. до н. э.). – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. – 484 с.

Шрамко Б.А. К вопросу о некоторых источниках изучения скифского ремесла // Вестник Харьковского университета. – Харьков, 1983. – № 238. – С. 119-125.

Эрлих В.Р., Джопуа А.И. Об одном типе греческих шлемов из центральной Абхазии // РА. – 2008. – № 2. – С. 80-85.

Яценко И.В. Искусство эпохи раннего железа // Произведения искусства в новых находках советских археологов. – М.: Искусство, 1977. – С. 43-104.

Φακλαρησ Π.Β. Περίτραχηλιον // Αρχαιολογικο Δελτιο. – Αθηνα, 1991. – Τ.40. – Σ. 1-16.

Andronikos M. Vergina: the royal tombs and the ancient city. – Athenon, 1984. – 244 p.

Archibald Z.H. The Gold Pectoral from Vergina and its Connections // Oxford Journal of Archaeology. – 1985. – № 4. – P. 165-185.

Boardman J. The Diffusion of Classical Art in Antiquity // The A.W. Mellon Lectures in the Fine Arts, 1993. – Bollingen Series XXXV:42. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – 352 p.

Cernenko E.V. Die Schutzwaffen der Skythen. – Stuttgart: Steiner, 2006. – XIV+158 S.+45 Taf.

Fornasier J. Das Pektorale aus der Tolstaja Mogila Vergleichende Untersuchungen zur Form und Funktion // Zur graeco-skythischen Kunst. Archologisches Kolloquium Münster. – Münster: Ugarit-Verlag, 1997. – S. 119-146.

Pflug H. Chalkidische Helme // Antike Helme. – Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 1988. – S. 137-150.

Jacobson E. The Art of the Scythians: the interpenetration of cultures at the edge of the Hellenic world // Handbook Of Oriental Studies. – Vol. 2. – Leiden-New York: E.J. Brill, 1995. – XVIII, 305 p., [81] p.

Schwarzmaier A. Die Gräber in der Grossen Blisniza und ihre Datierung // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. – 1996. – Bd. 111. – S. 105-137.

Treister M. Masters and Workshops of the Jewellery and Toreutics from Fourth-Century Scythian Burial-Mounds // Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC – first century AD). – Exeter: University of Exeter Press, 2005. – P. 56–63, 190-194.

Williams D. Identifying Greek Jewelers Goldsmiths // The Art of the Greek Goldsmith. London: British Museum Press, 1998. – P. 99-104.

Рис.1.
Пекторали: 1 – Толстая Могила; 2 – Большая Близица.

Рис.2.
Шарнирные петли пекторалей: 1, 2, 5, 6 – Толстая Могила;
3, 4 – Большая Близица.

Рис.3.
Шлемы с шарнирным креплением нащечников: 1 – курган № 4,
ур. Галущино близ с. Пастырское; 2 – курган Кекуватского.